

А. А. БОРОВОЙ

Бакунин

Бакунин — в истории анархизма занимает исключительное место. Анархическая мысль и анархическое действие нашли в нем гениального выразителя. Анархическое мироощущение впервые в нем достигло совершенной чистоты и мужества выражения. Мировое значение его «бунтарской» философии и его агитации осознано давно.

И между тем его идейное наследство исследовано в ничтожной мере. Доселе остается он проблемой. Его учение и жизнь сплелись с легендами. И, извращая его облик, они живут до наших дней*.

Помимо памятников, воздвигнутых Бакунину — Неттлау и Гильомом, подлинное изучение Бакунина открылось лишь в последние два десятилетия, особенно со времени Октябрьской революции, незримо впитавшей в себя стихии бакунизма**.

Но можно смело утверждать, что основной комплекс идей, которым живет современный, в частности русский анархизм, принадлежит Бакунину. Более того: опыт Октябрьской революции, заставивший анархистов пересмотреть свой идейный и практический багаж, оставил основные теоретические и тактические положения Бакунина незабываемыми, дал решительные доказательства его гениальной прозорливости.

* Опыт психологической характеристики Бакунина — см. А. Боровой и Н. Отверженный. «Миф о Бакунине». М., 1925 г., изд. «Голос Труда».

** Автор наиболее капитальной работы о Бакунине на русском языке — Ю. М. Стеклов признает, что бакунинский план конца 40-х годов в основных линиях является несомненным пророческим предвосхищением Октябрьской революции 1917 г.

Этот пересмотр неизбежно должен был поставить во весь рост необходимость исследования как социологических и политических проблем бакунизма, так и проблемы анархического мироощущения в целом. И здесь исследователя, наряду с возможностями подлинных открытий, встречают значительные трудности.

При поверхностном, тенденциозном взгляде на циклопический синтез Бакунина, последний представляется — изъеденным противоречиями. Слова Канта, что не всегда к автору может быть предъявлено требование признать своим написанное и сказанное им, как будто с полным правом — могли бы быть применены к Бакунину.

В его творении — своеобразном, беспорядочном, огромном — было бы напрасным искать — простоты, прозрачности и меры. Было бы безнадежным, воистину лилипутским делом — пробовать уловлять Бакунина в противоречиях, грехах и пересолах. Правильным, единственно правильным — целесообразным и справедливым вместе — было бы ценить его творение, как великое жизненное дело, в целом, стремиться почувствовать его мысль и пафос, отделить в нем собственно бакунинское, впервые и только им сказанное, от переходящих исторических наслоений, от «случайных» прихотей момента.

Подлинно бакунинское, *essentialia* его философии — приятие-прославление жизни, в ее многообразии, неповторимости. Противоречия нестерпимы логизирующему разуму. В жизни все противоречия живут рядом, все равно важны и необходимы, ибо в их органической слитности конструируется само понятие жизни.

Бакунин еще в молодые годы, задолго до того, как сложилось окончательно его реалистическое мировоззрение, не только чувствовал имманентность противоречий жизни, но неоднократно с пластической четкостью формулировал это чувство в письмах к своим родным: «Противоречия — это жизнь, это прелесть жизни и кто не может их одолеть, тот не может и одолеть и жизни. Но каждый человек *должен* и потому *может* это. В этом и состоит его человеческая сущность»... и т. д. и т. д.*

В свете этого воззрения, отдельные противоречия Бакунина перестают быть — ошибками, пробелами, дефектами мышления или методологии. Они обусловлены своеобразием самого мировоззрения. Они — теоретически и практически оправданы.

* См. Корнилов. Годы странствий Бакунина, 1925, стр. 86, 94. См. также письмо, напечатанное в «Былом», 1923 г., № 21, стр. 38. Курсив Бакунина. Далее два тома исследований Корнилова, посвященные «Молодым годам Михаила Бакунина», 1914 г. и «Годам странствий Бакунина», 1925, будут цитироваться: Корнилов — I и II.

Наряду с этим надлежит иметь в виду техническую обстановку бакунинских писаний. Его сочинения — памфлеты, не терпеливая систематизация накопленных листочков, а лава, долженствовавшая испепелить противника. Бакунинское слово было всегда ответом на непосредственный запрос момента. В увлечении давно почувствованными перспективами, он переходил пределы политического или социологического экспромта и писал трактат. В таких условиях было бы мудро ждать от автора методологической выдержанности, теоретической завершенности.

Но, невзирая на несоблюдение требований научной методологии, на отсутствие внешнего аппарата, составляющего гордость эрудита, творение Бакунина в целом — монументально, звенит волнующим лиризмом, гипнотизирует страстностью изложения.

«Федерализм, социализм и антитеологизм», многочисленные части «Кнута-Германской Империи», «Письма к французу», обличения Мадзини звучат не как политические опыты, но как вдохновенная философская поэма.

* * *

Творение Бакунина в целом есть антроподицея¹, объяснение и оправдание человеческого мира.

Человек — центральный мотив его философствования. Мирощущение Бакунина насыщено человеческим.

Человек Бакунина — не тощая абстракция просветительных рационалистов, не плод «разумной» диалектики. Он менее всего — «равноправный» член «человечества» или избраннык с чудесной миссией прославления в делах своих Творца. Он, наконец, не романтический герой, призванный волей мыслителя или вождя осуществлять метафизику прогресса.

Человек Бакунина — первичная неразложимая интуиция, выросшая из живого сочувствия сверходаренной эмоциональной натуры ко всему человеческому. Человек Бакунина — живой, реальный, конкретный человек, кусок пластической материи, в далеком прошлом брат гориллы, сегодня мыслитель и бунтарь, каменщик нового человеческого мира.

Как возможно его творчество?

В традиционных характеристиках бакунинской философии истории, на наш взгляд, чрезмерно подчеркивается значение в последней негативного элемента.

В его общей концепции мира, в учении о жизни, как безграничном развитии, как вечно движущем, многообразном, слитном потоке, отрицательный момент естественно должен был занять важное место.

Жизнь — диалектический процесс, и сущность ее состоит в последовательной смене утверждений и отрицаний, органически слитых. Всякое утверждение таит в себе элементы разрушения; отрицание есть необходимая предпосылка утверждения.

В этом хаосе взаимодействующих причин конкретные явления нуждаются в наличности определенных условий, типических отношений, вне которых невозможно их самопроявление и дальнейшее существование. Попытка восстать на эти условия была бы восстанием против причин, обусловивших самое явление, и потому грозила бы гибелью последнему.

При всем романтизме своей натуры Бакунин был реалистом с головы до ног. Он мог дать себе ясный отчет в том, в каких именно условиях «бунт» может иметь шансы на успех, в каких, не претендуя на непосредственно-практические успехи, он может иметь воспитывающее или пропагандистское значение, в каких, наконец, бунт — равносильен безумию — не в смысле чрезмерного пренебрежения реальной обстановкой, в которой должен протекать самый бунт, но в смысле коренного извращения задач человеческой деятельности, бессмыслия покушения на то, что, по сути вещей, стоит над человеческой волей, над человеческими возможностями. Такова — природа и ее законы, таковы законы общественности — не временные конкретные формы, в которые человек укладывает свои исторически-преходящие достижения, но основные законы общественного бытия, действующие как силы природы.

Поэтому в корне неправильным является представление о Бакунине, как нигилисте, как универсальном отрицателе не только законов, но и закона, как бунтаре, посягающем на принципиальные основы природной и социальной материи.

Свобода человека понимается им не метафизически, как независимость от действий «естественных законов физического и социального мира». Личность связана — «естественной необходимостью» (подчинение законам природы) и «необходимостью социальной жизни» (подчинение законам общественного бытия). В подчинении им — основа и условие нашего существования. Возмущение против них — нелепая попытка поставить себя вне действия всемирной причинности, определяющей существование всех вещей. В этом смысле, человек — раб, но раб законов, стоящих не над ним, а образующих *его собственное* естество, неотделимых от условий *его* существования.

Поэтому для Бакунина не было и не могло быть разрыва между «свободой» и «необходимостью». «Разумность» действительности также не подлежала оспариванию в его глазах, как «бунт» против действительности. Противоречие между ними было мнимым.

Биологически и социологически «разумная» действительность — а для Бакунина иной действительности не было и не могло быть — с естественной необходимостью приводила человека к отрицанию «объективного хода вещей» и бунту против него* <...>

Свобода в отношении к «разумной действительности», «естественным законам» заключается в познании их, признании и пользовании ими в целях дальнейшего освобождения. Задача науки — открытие и систематизация законов; задача практики — введение их путем народного просвещения в обиход широких масс. Успешное осуществление этих задач разрешает вопрос о практической свободе, ибо с усвоением этих законов падает необходимость в принудительных институтах современной общественности. Человек свободен, поскольку добровольно признает и повинуется естественным законам; регулирование извне должно пасть**.

Если даже признать, что гносеологически и психологически бунт против «закона» вообще — возможен, что если не общество в целом и не какая-либо общественная организация, а отдельная конкретная индивидуальность — в припадке ли исступленного логизма, теоретического или практического эгоцентризма, наконец, катастрофического аффекта, может поднять голос против самых основ бытия, против природной данности, то все же совершенно ясно, что подобный бунтарь встает не против законов и закономерности, но против самой идеи их, против самых норм своего собственного сознания.

Бакунин никогда и нигде не проповедовал такой неограниченности.

Его бунт против «науки» и «научных законов», или шире — против империалистских претензий разума вообще — был бунтом не против права науки и научного закона на самостоятельное бытие, не против стремлений науки к образованию своих «логических единств», не против их попыток, наконец, при помощи своей специфической методологии объяснять самую жизнь. Его бунт шел про-

* Действительность — «разумна», «логична», поскольку она обусловлена соответствующим комплексом причин, поскольку имеет свою внутреннюю логику. Данная конкретная действительность, в этом смысле, есть «разумная» действительность. Такое понимание ошибочно смешивалось с гегелевским афоризмом разумности и действительности в начале 40-х гг. Белинским, а частью и Бакуниным.

** См. II. 164–166, III. 156–158, 164–165. Ср. т. IV. 61. пр. 1, 189, 250. Здесь и далее Бакунин цитируется по единственному собранию его сочинений на русском языке, изд. «Голос Труда». Римские цифры указывают том собрания, арабские — страницу соответствующего тома. Отмечаются все места, наиболее характерные по отношению к трактуемой теме.

тив попыток подчинения жизни науке, против наивных претензий последней верить в адекватность своих законов законам подлинного бытия, против попыток раскрыть существо жизни при помощи своих, неизбежно ограниченных формул — понять мир, как «представление». Прагматический смысл научного знания был ясен Бакунину до конца. Разумеется, ограничение роли научного знания, противопоставление его скромных возможностей всемогуществу жизни не может быть оправдано с точки зрения последовательного позитивизма, но именно этот непоследовательный позитивизм проведен весьма последовательно во всем Бакунинском учении о жизни и является основной краской его философствования.

Бакунинское — «все опрокину», несмотря на соблазнительный титанизм этих слов, отнюдь не является лозунгом революционера-полубога, пытающегося потрясти междупланетные пространства.

«Все опрокину» — имеет обширные горизонты, однако ограниченные не только объективными нормами бытия, но и революционным гением и здравым смыслом самого Бакунина. Оно имеет отношение ко всякой исторической форме общественности, ко всякой социально-правовой системе, хотя бы и идеально воплощавшей чаяния и указания данного момента, но только к ним. Поскольку для Бакунина не было пределов восхождению реального человека от животного к человеческому, для него не могло быть и позитивного общественного строя, который бы ставил точку на дальнейшей эволюции человеческих обществ. Бакунин нигде этого прямо не формулировал. Борьба против властнического фетишизма слишком владела им, чтобы он, реалист, всю жизнь проведенный как в палатке, — мог уделить время на рассуждение о «мирах иных», имеющих возникнуть на развалинах государства. Тем не менее, мысль о невозможности конечного анархического идеала*, мысль «перманентной революции» должна, по моему убеждению, быть естественным выводом из общей философской концепции Бакунина. В этом еще более убеждают слова, стоявшие за «все опрокину» в фразе, приписываемой Бакунину Рейхелем: «пред вечностью все тщетно и ничтожно». Слишком очевидно, что слова эти имеют смысл лишь в том случае, если «все опрокину» имело в виду что-либо позитивное и историческое, не постулирующее личности, как метафизического «я». Если бы Бакунин пытался утверждать себя в качестве вневременной и внепространственной субстанции,

* Обоснование этой мысли — центральный мотив моего личного анархического мировоззрения. См. мои книги — «Анархизм» 1918 и «Личность и общество в анархическом мировоззрении» 1920 г.

абсолютно независимой и свободно творящей, то для таковой естественно должна была бы отпасть угроза «вечности».

Наиперманентная революция не может быть толкуема как непрерывное отрицание, отрицание ради отрицания. Революция всегда несет в себе утверждающий смысл — не только в призывах и лозунгах, но в труде, работе по консолидации «нового». Последнее должно пройти стадию приспособления, службы, прежде чем будет отвергнуто в процессе перманентной революции, во имя новых запросов. Теоретическое отрицание в сфере мысли, практическое отрицание в сфере бунта — приходят тогда, когда завоевания революции вступают в автоматическую фазу существования, фетишистически зачехленая.

Перманентный бунт Бакунина — есть отрицание «Царства Божия» на земле, той последней утопической точки, в которую так долго верила и продолжает еще верить социалистическая эсхатология. Но они — не прихоть вечной одержимости, неспособной остановиться на мгновение, чтобы дать себе отчет в происходящем.

За стихиями отрицания, бушевавшими в Бакунине, за его разрушительным пафосом, исследователи не чувствуют обычно мощи его устроительного гения.

Вся философия истории Бакунина сводится к двум равнозначным для него положениям: отрицанию животности в человеке и утверждению в нем человечности. В реальной жизни оба постулата сливаются в один, ибо неизменно сопутствуют один другому, неизменно обуславливают один другой. Таким образом в философско-исторической концепции Бакунина негативный элемент вполне уравновешен положительным.

Афоризм Ж. Елизара — «Дух разрушающий есть дух создающий» или «Страсть к разрушению есть вместе творческая страсть», который многие толкуют как универсальную абсолютную формулу отрицания, — есть, по существу, с гениальным лаконизмом выраженная формула культуры, не имеющая ничего общего ни с нигилистической брезгливостью, ни с упрямством скептицизма. Этот афоризм, предвестник бури, превосходно раскрывает смысл бакунинского отрицания. Разрушению имманентно творчество. Самое разрушение имеет смысл постольку, поскольку ему сопутствует созидание. На этом акцент афоризма. По меньшей мере можно говорить о равноправии обеих частей формулы, и уже никак нельзя истолковывать ее в том смысле, что Бакунин вообще не хотел строить и черпал свою силу исключительно в отрицании.

Наоборот, утверждающий пафос Бакунина могуч, убедителен, радостен. Его свобода — не только бунт против «несвободы»,

но устройство нового мира. Никто из социологов не сумел показать такой антропологической необходимости «второго существования», как Бакунин. Его «революционное дело» — требует не только разрушительных страстей, но и воли к устройению нового общества: «...отрицательной страсти далеко недостаточно, чтобы подняться на высоту революционного дела; но без нее последнее немислимо, невозможно, потому что не может быть революции без широкого и страстного разрушения, разрушения спасительного и плодотворного, потому что именно из него, и только посредством него, зарождаются и возникают новые миры»*.

Бакунинская проблема последовательного человеческого освобождения есть вместе с тем проблема культуры. Отрицание животности, как фактор прогресса, предполагает не только стихийные, нутряные сдвиги, не только обретение новой правды в бездонных глубинах духа, под влиянием неисследимых капризов «всемирной причинности», но и целевую борьбу, применение абстрактного «мышления» и «мускульной силы» к конкретным надобностям, накопление приемов, передачу их, дальнейшее развитие и т. д.

Бакунинская лава течет, сжигая все на своем пути, чтобы очистить место утверждению новых ценностей, а не для фетишизации путей. Бакунин мог водрузить на стены штурмуемого абсолютизмом города Рафаэлевскую Мадонну², мог поднять святотатственную руку на «Тюльери»³, Собор Парижской Богоматери⁴ и даже Лувр⁵, «в первые дни социальной революции», как на монументы, неотделимые в памяти парижского пролетариата от деспотизма**, но подобные проекты разрушения для Бакунина не были «искусством для искусства», божественной игрой безответственного разрушительного духа.

Бакунин слишком вкусил от плодов утонченной человеческой культуры, чтобы не знать действительных масштабов объектов своих посягательств. Однако никакая культура, однажды достигнутая, не могла стать для него фетишем, тормозящим дальнейшие человеческие достижения. Культура — наряд, в который человек облакает свои исторические потребности. С судьбами последних связаны судьбы культуры.

Резюмируя все вышесказанное, мы думаем, имеем право, как бы это ни звучало парадоксальным для традиционных представлений, говорить о системе Бакунина, даже о бакунинском «догматизме».

Бакунин — не гелертер⁶, не классификатор, хотя в других условиях при гегельянской выучке и исключительной диалектической

* См. I. 90.

** См. IV. 197.

одаренности мог бы писать трактаты по всем правилам схоластической учености, Бакунин — не спокойный холодный наблюдатель. Он прежде всего и более всего — трибун, импровизатор, пред каждым писанием имевший какую-либо практическую цель. И, невзирая на загромождение своих основных тем — отступлениями, побочными вставками, сведением счетов и пр., он неуклонно, настойчиво возвращался к одним и тем же основным линиям мировоззрения, поддерживал их одной и той же аргументацией. В конечном счете, ядро его учения может быть легко выделено из общей массы его суждений и образовать то, что мы сейчас назвали его догматикой.

* * *

Свои философские позиции Бакунин определяет как позитивизм и научный материализм.

<...>

Атеизм Бакунина — логический вывод из его материалистической концепции мира.

Бог с его атрибутами есть продукт не только идеалистической логики, но и логических антиномий идеализма. Ибо идеалисты одновременно постулируют бога и человечество, бессмертие и человеческую культуру, абсолютизм и свободу. Человечество у них оторвано от мира и помещено между двумя идеалистическими полюсами — божественного и животного, без понимания того, что эти выражения характеризуют одну и ту же сущность.

Бакунин производит тщательный смотр так называемым доказательствам «бытия божия», последовательно вскрывая призрачность аргументации — учений о традиции, т. е. древности и всемирности верования, о первоначальной мировой гармонии, об абсолютном совершенстве бога и т. д.

Бог есть продукт человеческой мысли, абстракция, порожденная в определенных исторических условиях определенными историческими причинами. Исторические позитивные религии — плод коллективного сознания, специфическое отражение некоторых сторон общественного процесса. Религиозное верование вырастает из инстинктивного и страстного протеста человека против невыносимых условий земного существования. У масс, не выросших до осознания социальной борьбы и социальной революции, божественность становится символом последующего возмездия за испытанную на земле несправедливость. Так небо «обогащается отбросами земли».

Но, вырастая из человеческого сознания, небесная символика подчиняет себе человека, его реальное существование преобразуется в самодовлеющую сущность и неограниченно властвует над творцом,

ее породившим. Отныне бог — все, мир — ничто; бог — господин, человек — раб. Религия убивает в человеке разум, производительную мощь, чувство справедливости, стремление к человечности. Идеализм, исповедующий божественность, осуждает человека на «безысходную животность».

И если человек хочет быть свободным, он должен отвергнуть бога и разрушить религиозные системы.

Исторически божество стало союзником тиранов, мучителей, эксплуататоров народных масс.

Обращаясь к современным ему событиям, Бакунин ставит вопрос: «...Где были материалисты и атеисты? В Парижской Коммуне. А где были идеалисты, верующие, в Бога? В Версальском Национальном Собрании. Чего хотели парижские революционеры? Они хотели окончательного освобождения человечества, посредством освобождения труда. А чего хочет теперь победоносное Версальское Собрание? Окончательного падения человечества под двойным игом духовной и светской власти».

Теоретически и практически человеческая свобода возможна лишь при категорическом уничтожении «фигуры небесного владыки»*.

При этом Бакунин считает нужным подчеркнуть, что научный материализм в жизни проявляет себя как практический идеализм; наоборот, идеализм, несмотря на близость его к небу и на все его

* См. II. 150–163, 182–186, 259–260, 267, 280, III. 149–152, 166, 176, 180, IV. 102–104; V. 60–67. Замечания отдельных критиков Бакунина о религиозном или мистическом в его воззрениях — построены на недоразумении. Не говоря уже об общей его концепции, исключающей категорически что-либо «божественное», у него имеются на этот счет и определенные указания, не оставляющие места никаким сомнениям. Еще в статье «Реакция в Германии» он писал: «Мы должны не только политически действовать, но и в самой политике нашей *действовать религиозно — религиозно в смысле свободы*, единственным истинным выражением которой является справедливость и любовь». См. Корнилов, II, стр. 184. В письме к Э. Сторжевскому⁷ (без даты) он пишет, что «*вполне отказался от того, чтобы признавать бога научно и теоретически*», но ищет его (бога) «в людях, в их любви, в их свободе и теперь... в революции». См. Материалы для биографии *М. Бакунина*, т. 1., ред. В. Полонского, 1923 г., стр. 36–37. Здесь не мистическая сущность, а мистическая терминология. Речь идет не о боге и о вере в бога, а о трудности или даже невозможности некоторых определений в терминах чистого разума. Свобода, революция, демократия и некоторые другие понятия — как законченные реальные единства — есть нечто большее, чем механическая совокупность политических, исторических, психологических и иных представлений, связанных с ними. Они говорят не только нашему разуму, но нашим чувствам, нашей воле, нашей природе в целом. Они — лозунги, мифы, обращающиеся к тому, что часто неосознанно в нас самих. Их Бакунин называет «религиозными».

вербальные украшения, в действительной жизни погрязает в самом грубом материализме.

Фикциям человеческого разума, пытающимся объяснить и оправдать мир, материалист Бакунин противопоставляет самую жизнь.

Здесь в самом Бакунине как будто происходит некая борьба. Рационалистические элементы его мироощущения пытаются отстоять свою самостоятельность.

Выходец из привилегированного, просвещенного круга, всесторонне образованный человек, бывший гегельянец, революционер, впитавший в себя освободительные традиции эпохи просвещения, принципов 89 года⁸, утопистов, гениальный диалектик и безграничный энтузиаст — Бакунин, конечно, не мог не отдать дани — «просвещению», «науке», «мысли», «разуму».

«Мысль» определяет место человека в животном мире. «Мысль» отделяет «человеческий мир» от всего остального органического мира. «Мысль» творит историю человечества. Увлеченный великой координирующей силой человеческого разума, Бакунин отождествляет разум, идею, логос с реальной действительностью. «Все что естественно — логично, и все что логично — существует и должно осуществиться в реальном мире: в природе, в собственном смысле этого слова, и в ее дальнейшем развитии — естественной истории человеческого общества».

«Наука» — универсальное средство освобождения человечества. — Религиозной и метафизической мысли, постулирующей «существование Бога» и тем самым полагающей ограничение прав человеческого разума, отказ от чувства справедливости, отрицание человеческой свободы, Бакунин противопоставляет «рациональную науку» и «пропаганду социализма». Рациональная философия — не авторитарна, но демократична: «она организуется свободно снизу вверх и опыт признает своим единственным основанием... Бог, Бесконечное, Абсолют... совершенно устраняются из рациональной науки». И Бакунин кончает свои рационалистические утверждения настоящим славословием «всемирной науке»: наука — «одно из самых драгоценных сокровищ», «одна из лучших слав человечества». Ее гибель была бы возвратом человечества на несколько тысяч лет назад, к состоянию предков — горилл. И поставив трагический вопрос — каковы причины медлительности в движении прогресса, приводящей в отчаяние, близкой к застою, которая составляет самое большое несчастье человечества, Бакунин отвечает: «Причин очень много. Одна из самых важных, конечно, — невежество масс*».

* См. II. 276; III. 150–158 и др.

В этом преклонении перед знанием и наукой — Бакунин наследник просветительной эпохи и утопистов.

Однако зрелый Бакунин не здесь. Рядом с рационалистическими струями в философии его бьют иные могучие потоки, и в них раскрывается подлинное значение творения Бакунина. — В них черпает он силу для построения оригинальной, последовательно анархической философии истории.

<...>

Мысли в науке доступны лишь постоянные отношения и превращения вещей, но не их материальная, индивидуальная сущность, не сама реальность, не подлинный трепет жизни. Наука мыслит о жизни, но не мыслит самую жизнь. *«Наука незыблема, безлична, обща, отвлеченна, нечувствительна... Жизнь вся быстротечна и преходяща, вся трепещет реальностью и индивидуальностью, чувствительностью, страданиями, радостями, стремлениями, потребностями и страстями.* Она одна самопроизвольно творит вещи и все реальные существа. Наука ничего не создает, она лишь констатирует и признает творения жизни». *«Она нечто бессердечное... она не может схватить конкретное, она может двигаться лишь в абстракциях».* Вмешательство людей науки и традиционных теоретиков исторического процесса в непосредственное дело жизни — не только бесполезно, но глубоко вредно. Их формулы и доктрины опрощают и истощают жизнь. Предлагаемое и творимое ими — «бедно, до смешного отвлеченно, лишено крови и жизни, мертворожденно...»

«Ученому» правительству Бакунин выносит беспощадный приговор. Оно может быть лишь правительством аристократическим — «бессильным, смешным, бесчеловечным, жестоким, угнетающим, эксплуатирующим, зловерным». «Все источники жизни иссякли бы под их абстрактным и ученым дыханием», «Управление жизни наукою не могло бы иметь другого результата кроме оглушения всего человечества».

«То, что я проповедаю — заключает Бакунин — есть бунт жизни против науки», ибо наука есть «вечное приношение в жертву быстротечной, преходящей, но реальной жизни на алтарь вечных абстракций»*.

* См. I. 237, 272; II. 392–197, 202; III. 155–175. Бакунин, однако, далек от того, чтобы отрицать «авторитет» вообще. У него «нет абсолютной веры ни в кого», она сделала бы его рабом, «орудием воли и интересов» другого. Но он склоняется перед авторитетом специалиста; признание последнего обусловлено свойственным современному обществу разделением труда. В настоящих условиях все должны быть по очереди руководителями и руководимыми. И если нет

Жизнь, примат жизни — центральный фокус бакунинской философии. Жизнь таит в себе неограниченные творческие потенции, она — сама творчество. Жизнь есть конкретное и реальное; она господствует над мыслью, она определяет волю*.

В мужественных чеканных словах выражает Бакунин любимый принцип своего философствования: «Жизнь со всеми своими переходящими вздыманиями и великолепиями — внизу в многообразии, смерть с своей вечной и несравненной монотонией — вверху в единстве».

Реальное многообразие — жизнь, логическое единство — смерть**.

Здесь ключ к тому понятию, которое является сущностью анархического мировоззрения — свободе. Свобода в учении Бакунина — начало и конец человеческого. Отделение человека от животного мира, образование и укрепление человеческого мира, все будущие перспективы человека — исходят из свободы, дышат свободой, питаются свободой.

Но осмыслить понятие свободы до конца значит прежде всего осмыслить ее творца — самого человека.

Человек в общем строе природы занимает свое, особенное, более никому не принадлежащее место. Как и все остальное в мире, человек прежде всего «существо вполне материальное». В нем нет ничего, что не было бы материей, что не было бы продуктом «грубой материи». Его «великолепный ум», «высокие идеи», «бесконечные стремления» — материя, его разум, «единственный создатель всего нашего идеального мира» — «свойство животного мира и главным образом абсолютно материального мозгового механизма». Все интеллектуальные и моральные акты имеют единственным источником материальную организацию человека. Никаких форм «спиритуального⁹ или нематериального воздействия» мы не знаем. Никто никогда не видел и не мог видеть «чистого духа, освобожденного от всякой материальной формы», существующего независимо от животного

и не может быть «постоянного универсального авторитета, ибо не существует универсального человека», то добровольной и временной «взаимной власти и подчинения» не может не существовать. Наконец, Бакунин готов признать «абсолютный авторитет науки», но отвергает «непогрешимость и универсальность представителей науки». См. II. 168–171.

* См. II. 74. Ср. I. 237.

** В ранних письмах Бакунина имеется огромное число утверждений, предвосхищающих его последующую зрелую философию о примате жизни над абстракцией. См. особенно *Корнилов*. II. 58, 88, 93–94, 98, 149, 232–233, 284. В письмах из крепости — упорные и патетические гимны жизненному реализму и постоянное осуждение метафизики и абстракции. Они — вне подозрений, т. к. вполне согласуются с мыслями свободного анархического Бакунина. См. *Материалы*. Стр. 252, 255, 262, 263.

тела. Одним словом, человеческий и весь остальной мир слиты во-едино в общем жизненном материальном потоке. Между ними нет разрыва непрерывности. Человеческий мир есть непосредственное продолжение мира органического.

Человек — животное; по прямой ступени он произошел, если не от гориллы, то от ее сородичей; упразднить своей животности человек не может. Но... человечество — последнее и совершеннейшее проявление ее — есть одновременно все возрастающее отрицание животного начала в человеке. Человек может и должен переработать свою животность, очеловечить ее через свободу*.

Что же образует человека из животного? Что ставит его на самостоятельную, высшую, единственную ступень в безграничной иерархии живых существ?

«Три основных принципа, — отвечает Бакунин, — составляют существенные условия всякого человеческого развития в истории, как индивидуального, так и коллективного: 1) человеческая животность, 2) мысль и 3) бунт».

Разумеется, способность мысли и способность бунта имеют место и у других животных видов. Но только у человека ум достигает такой степени развития, когда он может быть назван мыслительной способностью. Из всех животных мыслит только человек. <...>

<...>

Возвращаемся к свободе.

«Свобода — величайшее слово, означающее великую вещь, которая никогда не перестанет воспламенять сердца всех живых людей». Вне свободы — нет добра; свобода — источник и абсолютное условие всякого добра, достойного этого наименования. Самое добро есть не что иное, как свобода. Последний предел, высшая цель человеческого развития — свобода. Реальное освобождение человечества есть подлинная цель и высший результат истории. Итак, свобода есть цель и свобода есть путь. Весь смысл человеческого существования — в свободе; исторический путь человека есть путь непрерывного последовательного самоосвобождения.

Но понятие свободы требует формального определения. У Бакунина оно укладывается в гениальную по лаконизму и меткости характеристику: «Свобода неделима: нельзя урезать часть ее, не убивая целого».

Свобода есть сама жизнь. Как жизнь она — целостна, неделима, неповторима. Нельзя расчленивать ее; покушение на самый, хотя бы незначительный, клочок ее, означает отрицание ее, гибель ее в целом.

* См. II. 144, 147–148, 156, 203–205; III. 154, 158; IV. 86, 106–109.

Библейской Еве было воспрещено касаться плодов только одного дерева, но это запрещение было равносильно полному отрицанию ее свободы. Ее непослушание было подлинным восстанием; оно открыло путь человеческой свободе.

Положительное содержание свободы заключается в утверждении человечности, т. е. утверждении справедливости и добра.

Оба начала — не плод логической спекуляции и не наследие теологических или юридических принципов. Они вполне реальны и коренятся в самой животности нашей природы. Эгоизм и общественность неотделимы от всех животных обществ, но только в человеческом получают осознание и законченное оформление. Справедливость, предполагаемая свободой, имманентна человеческому сознанию; смысл ее — уравнивание людей в правах на материальные и духовные средства, необходимые для развития их человечности. Справедливость есть «полная свобода каждого среди полного равенства всех». Для Бакунина она — естественный шаг в развитии личности, ее переход от экономического обособления к свободному союзу. Любовь неотделима от справедливости, ибо истинная реальная любовь предполагает равенство людей. Любовь высшего к низшему есть деспотизм, любовь низшего к высшему есть рабство*.

Так утверждаемая свобода естественно предполагает общественную организацию.

Исторический человек «самое индивидуальное» и «самое свободное» из всех существ животного мира, вместе с тем и самое социальное из них. Общество — естественный и единственно известный нам образ сосуществования людей, управляющийся собственными законами, имеющими стихийную силу законов природы. Человек становится таковым лишь коллективной деятельностью всего общества.

Общественное могущество — беспредельно. С момента рождения человек приобщается к могучему, универсальному, с стихийной силой действующему фонду верований, учений, навыков, отобранных и накопленных предшествующими поколениями, образующих основу его индивидуального существования! Фатально лишенный выбора, человек естественными корнями прикреплен к обществу, которым он рожден; последнее налагает на него неизгладимую печать.

Коренной бунт против общества так же невозможен, как бунт против природы, ибо к обществу, как к природе, неприложимы общепринятые моральные критерии — добра и зла. Общество есть «бесконечный и положительный и первоначальный факт, предше-

* См. II. 195–196, 262, 289; III. 123, 145, 168, 183–187, 215; VI. 61, 260.

ствующий всякому сознанию, всякой идее, всякой интеллектуальной и моральной оценке; это — самая основа, это — мир».

Самая истина, поскольку она не кабинетная абстракция, не логическое единство, обращающее в мертвецкую самую пеструю и беспорядочную жизнь, а продукт реального опыта, обязана своим происхождением надличному общественному процессу. Истина рождается стихийно из потребностей масс*.

Общественная жизнь есть непрерывная взаимозависимость людей. Это — своеобразная атмосфера, вне которой человек не может дышать. В общественных условиях существования рождается духовный мир человека: его способность мысли, его потребность бунта. И потому они — неизбежная предпосылка его свободы, его человечности. Самая свобода, ее мера познается лишь в сосуществовании с другими.

«...Вне общества человек вечно бы остался диким животным или святым, что почти одно и то же... Изолированный человек не может сознавать своей свободы... Свобода не может быть фактом уединения, но взаимодействия, не исключения, но, напротив того, соединения... Я человек и свободен сам постольку, поскольку признаю свободу и человечность всех людей, окружающих меня. Лишь уважая их человеческое естество, я уважаю свою собственную человечность... Моя личная свобода, подтвержденная... свободой всех, становится беспредельной»**.

Беспредельность общественного развития обеспечивает беспредельность развития и самого человека. — В этом смысле человек есть постоянное становление. До смерти он не может почитаться законченным, его природа неисчерпаема. Здесь источник ее единственности, требующей любви и уважения***.

<...>

Власть, независимо от ее характера, есть отрицание свободы. И потому бунт за свободу против любой формы власти — есть основное требование человеческой природы, поскольку в ней заложен инстинкт к самоосвобождению.

Власть — зло, несущее с собой двоякую деморализацию.

С одной стороны, она развращает властителя, прививая самому просвещенному, бескорыстному и чистому деятелю — презрение

* См. письма Бакунина к Герцену. Герцен. Собрание сочинений под ред. Лемке. т. XIX, стр. 155, 319, 352.

** См. II. 262–275; III. 183–186; IV. 35, 53, 71, 250; V. 48–49. В одном из писем к своим в 1845 г. он писал: «Женщины почти везде рабы... без их полной безграничной свободы наша свобода не возможна...» *Корнилов*. II. 291.

*** См. письмо из крепости к родным неизвестной даты. *Материалы*. Стр. 254. Ср. ранние взгляды Бакунина: *Корнилов*. II. 192, 217, 238 (перев. стр. 234 пр. 1), 284.

к народным массам, преувеличение своего собственного достоинства. С другой, она есть безусловное отрицание основного принципа человеческой морали — уважения в каждом его человеческой природы, признания за каждым — даже в случаях его нравственного падения — возможности возвыситься до осознания своей человечности. Власть с ее неизбежным самообольщением одним фактом своего существования упраздняет принцип «человеческого уважения»*.

<...>

Бакунин, не знавший новейших исследований, тем не менее нисколько не заблуждался насчет истинного социального содержания эпох «зари человечества». Прозорливый судья человеческой природы**, он менее всего мог полагать, что власть есть злой фантом, внезапно выросший в истории. Он знал, что властнический инстинкт — необходимый элемент животной природы, неразлучно связанный с борьбой за существование.

«...Инстинкт повелевать другими, в своей первоначальной сущности, есть плотоядный инстинкт, животный инстинкт дикаря». В последующей истории он принимает разнообразные формы, внешне смягчаемые и облагораживаемые. Но по существу он остается столь же зловредным; его действие даже усиливается, благодаря применению науки***.

«Если есть дьявол во всей человеческой истории, — патетически восклицает Бакунин, — так это властнический принцип. Он один вместе с тупостью и невежеством масс, на чем он, впрочем, всегда основывается и без чего не мог бы существовать, он один породил все несчастья, все преступления и все постыдные факты истории»****.

И нигде состояние «несвободы» не отливалось в такую законченно и откровенно ценическую форму, как в государстве современного типа, в котором поповская или светская религия, обычаи, нормы права, мораль, научно-философская аргументация, обывательские покорность и прекраснодушие — все соединилось, чтобы оправдать исторически, логически, психологически непобедимый фетиш в сознании подавляющего большинства граждан.

* См. III. 202–203.

** Кропоткин сказал про Бакунина: «Разве люди, которых он вдохновлял в Италии, в Швейцарии, во Франции, разве Варлен, Э. Реклю, Кафиеро, Малатеста, Фанелли, Гильом, Швицгемель и др., сгруппировавшиеся вокруг него в знаменитой Alliance не были лучшие люди латинских рас в эту великую эпоху. Мне кажется, что его оценка людей была поразительно верна». См. I. 8. Курсив Кропоткина.

*** См. о «буржуазной» науке IV. 48.

**** См. IV. 255, V. 6.

Неудивительно, что в представлениях Бакунина, кипевшего чувством свободы, властнический принцип и современное государство идентифицируются. Государство становится квинтэссенцией отрицающего его и отрицаемого им. Никто никогда, не исключая Ницше¹⁰, не дал таких убийственных, всесторонне уничтожающих характеристик государства, как Бакунин.

Государство — «...абсолютное ограничение, отрицание свободы каждого во имя свободы всех или общего права... Где начинается государство, кончается индивидуальная свобода и наоборот»*.

Государство — «...не живое целое... не естественное человеческое общество... это заклятие как каждого индивида, так и всех местных ассоциаций; абстракция, убивающая живое общество, ограничение или, лучше сказать, полное отрицание жизни и права всех частей, составляющих общее целое, во имя так называемого всеобщего блага... это алтарь политической религии, на котором приносится в жертву естественное общество; это всепожиратель, живущий человеческими жертвами, подобно церкви... это — меньший брат церкви»**.

Истрепанный аргумент в защиту демократической доктрины — необходимость ограничения части свободы — для обеспечения остального — свободы в целом, Бакунин отводит неотразимой формулой, приведенной выше: «Свобода неделима: нельзя урезать часть ее, не убивая целого».

В этом смысле для Бакунина все формы государства безразличны. Демократическое государство, основанное на всеобщем избирательном праве, может быть столь же деспотичным, даже еще более деспотичным, чем «монархическое государство». Демократическое государство также построено на «преобладании», «господстве» и «насилии», т. е. «скрытом деспотизме». Оно может стать самым невыносимым, самым страшным и самым безапелляционным деспотом, если под предлогом представительства всеобщей воли оно «будет давить волю и свободное движение каждого из своих членов всей тяжестью своего коллективного могущества». Республика имеет цену чисто отрицательную — поскольку она есть разрушение, уничтожение монархии. Но падение монархии не знаменует еще утверждения свободы и справедливости***.

* См. III. 186.

** См. IV. 88.

*** См. I. 98–99, 136–137, 208; II. 43–44; III. 123–126, 187. Бакунин, однако, указывает, что его критика государства вообще и демократического государства в частности вовсе не предполагает принципиального уравнивания между монархией и демократическим государством: «Самая несовершенная республика — в тысячу раз лучше, чем самая просвещенная монархия». Монархия

Беспощадно Бакунин изобличает лживую природу «народного государства». В «Альянсе», возражая против компромиссной политики, в частности каких-либо союзов с буржуазией, выгодных лишь ей, а не традиционно обманываемым массам, он в нескольких словах разделяется с модным тогда демократическим лозунгом. Народное государство — «противоречие, фикция, ложь, очень опасная ловушка для пролетариата. Государство, каким бы народным его ни делали по форме, всегда останется институтом господства и эксплуатации и, следовательно, для народных масс вечным источником рабства и нищеты»*.

Бакунин не делает исключения и для диктатуры пролетариата, должествующей, по убеждению социалистов-государственников, стать переходной формой к утверждению бесклассового социалистического строя. И здесь пролетариат — думает он — неизбежно станет игрушкой стихийных сил, невольно сыграет предательскую роль по отношению к своим же собратьям. Рабочие, попадая в учредительные и законодательные собрания, становясь государственными людьми, неизбежно делаются «буржуями и, быть может, станут буржуазнее самих буржуев».

Любая диктатура — личная или коллективная — «узка, слепа, неспособна ни проникнуть в глубину народной жизни, ни объять всей ее ширины». Именно поэтому официальные акты даже революционной власти пробуждают в массах чувство протеста. Революция перестает быть революцией, действуя деспотически. Социальная революция может быть плодом только непосредственного творчества народных масс. Революция организуется только снизу вверх**.

Всякая иная аргументация в защиту государства представляется Бакунину несостоятельной

<...>

Итак, в современном государстве — христианство лишь «предлог и фраза». Действительным основанием государственной морали, новым фетишем, похоронившим все остальные, подчинившим себе все запросы и требования человечности, как таковой, обусловившим

есть постоянное угнетение, республика знает моменты относительной свободы. Демократический режим пытается поднять массы до общественной жизни, монархия этого не делает никогда. См. III. 201.

* См. V. 19–20.

** См. IV. 20, 177, 185, 257 и др. В доанархический период Бакунин высказывался за возможность или желательность диктатуры. Таково, например, известное место в его «Исповеди». Такой же характер носили его предположения о возможности диктатуры Муравьева-Амурского, в которого он первоначально, по-видимому, верил, полагая, что радикальная диктатура была бы предпочтительнее расхлябанного, неустойчивого, непросвещенного деспотизма.

всю историческую практику государств, является — «государственный интерес». Чтобы защитить этот «интерес», чтобы отстоять свою «ограниченность», свой «коллективный эгоизм», государство не только жертвует индивидуальной свободой, но вооружается с головы до ног и пользуется любым случаем отхватить чужой кусок, не останавливаясь перед кровью и жертвами. Государство — немыслимо вне империализма. «Государство должно пожирать, дабы не быть пожранным, завоевывать, чтобы не быть завоеванным, поработать, чтобы не быть поработанным... Государство — это самое вопиющее, самое циническое и самое полное отрицание человечества... Оно признает человеческое право, человечность и цивилизацию лишь внутри своих собственных границ... Чужие народности... оно может по своему произволу громить, уничтожать или поработать»... «Не существует ужаса, жестокости, святотатства, клятвопреступления, обмана, низкой сделки, цинического воровства, бесстыдного грабежа и грязной измены, которые бы не совершались, которые не продолжались бы ежегодно совершаться представителями государств, без всякого другого извинения, кроме эластичного, столь удобного и вместе столь страшного слова: государственный интерес»*.

Так вырастает исторически огромная, неумолимая, всепроникающая, самодовлеющая сущность, доминирующая над людьми, над их устремлениями, свободой, жизнью, высасывающая как вампир из людей все, что есть в них наиболее драгоценного и оригинального, и отдающая все это в жертву отвлеченной бухгалтерской среде. Так живет государство — систематическим грабежом и насилием, то под лицемерной маской утверждения призрачных свобод и равенства, то под лживыми предложениями ограждения от зла и стимулирования добра, то, наконец, просто в силу присущего государству цинического самодовольства. И потому нельзя мечтать, чтобы из государства, порочного в своей основе, тем более деспотического и агрессивного, чем более зрелой и совершенной является его конструкция, могла родиться надежда на освобождение человека, утверждение человечности. Прав Макиавелли¹¹ — «преступление... есть необходимое условие политической мудрости и истинного патриотизма... могущественные государства поддерживаются лишь преступлением»**.

В прошлом государство имело могучего предшественника и продолжает иметь его своим союзником поныне — церковь. Сущность их одна и та же; их цели и средства совпадают; судьбы их — одно-

* См. I. 69–70, 117; III. 190–191; IV. 89, 234.

** См. I. 84; II. 270; III. 34, 192.

родны. Церковь и государство равно убеждены, что человек от природы дурен, что необходимы особые меры для спасения человека от него самого, его собственной испорченности. Они равно убеждены, что свобода человека должна быть принесена в жертву, для преобразования его: согласно церковного идеала — в святого, согласно государственного — в добродетельного гражданина, невзирая на то, что во все времена церковь и государство были «главнейшими рассадниками пороков». И совершенное государство не может жить без религии, ибо Божественное Провидение постоянно санкционирует государственные акты.

«Государство, младший брат церкви... есть историческое освящение всех деспотизмов и всех привилегий, политическое основание всех экономических и социальных порабощений, самая сущность и центр всякой реакции»... «Государство... есть громадное кладбище, где происходит самопожертвование, смерть и погребение всех проявлений индивидуальной и местной жизни. Государство, это абстракция, пожирающая народную жизнь... Государство есть выражение всех жертв личности»*.

Бакунин, чуждый наивному гипостазированию¹² фикций в самодовлеющие реальные сущности, превосходно понимал, что за государством-абстракцией стоит всегда определенный реальный некто, извлекающий из государственного фетишизма для себя и своих присных недвусмысленные, хорошо осязаемые выгоды. Государство и его институты защищают реальные интересы класса. Система, при помощи коей привилегированный класс осуществляет свои намерения, именуется патриотизмом.

Бакунин дает себе ясный отчет в сложности понятия патриотизм. Он различает в нем четыре основных элемента: естественный, или физиологический, экономический, политический и религиозный, или фанатический.

Естественный патриотизм — первоначальная животная страсть, свойственная всем ступеням животной жизни и являющаяся элементарным проявлением борьбы за существование — всемирного пожирания друг друга. В условиях человеческого общежития естественный патриотизм есть «инстинктивная машинальная и совершенно лишённая критики привязанность к обществу и принятию, наследственному, традиционному образу жизни и столь же инстинктивная машинальная враждебность ко всякому другому образу жизни». Естественный патриотизм есть наиболее яркая форма человеческой ограниченности, а следовательно, и отрицания человек-

* См. II. 56, 219–220; III. 194–195; IV. 89–90, 258, 260, 264.

ности. Однако в наши дни этот патриотизм есть, по преимуществу, удел дикарей или полудикарских слоев, сохранившихся благодаря нищете и невежеству в цивилизованных обществах.

Как правило, патриотизм в наше время несет на себе печать классово-целесообразности. Он принимает тот или другой характер, в зависимости от ценностей, которые под его маской защищает привилегированный класс. Перерастая рамки классовых требований, этот патриотизм становится политикой и вместе «высшей моралью» государства. Патриотическое чувство отныне долг гражданина, обязывающий его на любые жертвы. В капиталистическом обществе единственно искренним и натуральным патриотом является буржуа, защищающий при помощи своего государства свои политические и социальные привилегии. И потому — национализм, националистический шовинизм, патриотизм, как классовые методы буржуазии, исчезнут только с гибелью капиталистического общества*.

Отдельные критики доселе находят quasi-противоречия во взглядах Бакунина на «национальный вопрос». Говорят о его пристрастии к славянам, в частности к России, ненависти к немцам и пр. Если оставить в стороне отдельные, чрезмерно заостренные, как все у Бакунина, выражения и ознакомиться со всей совокупностью его взглядов и рассуждений на этот предмет, отсутствие у Бакунина каких бы то ни было шовинистических нот — становится бесспорным. Было бы нелепо говорить о «русском патриотизме» Бакунина после его вдохновенной речи 1847 г. на польском банкете, его Исповеди, его суровых суждений по адресу России в позднейших, уже анархических писаниях. <...>

<...>

Наконец, пресловутый бакунинский ранний «панславизм», угрожавший якобы существованием германскому миру, не был ни метафизическим построением, ни мистическим мессианским идеалом, ни шовинистическим воплем, а простым реальным актом самообороны, в основу которого было положено убеждение о возможности самостоятельной культуры для многомиллионной народной массы.

«Я желаю германского могущества и германского величия, — писал он, — но не угнетения славян Германиею». Его любовь к славянам, и в частности к русским, была всегда меньше его любви к «вольности» и «демократии»**.

В объективно психологическом смысле решающим отводом против упреков зрелого Бакунина в «национализме» была, конечно,

* См. I. 72; III. 190–193; IV. 90–101, 136.

** См. *Материалы*, стр. 21, 34, 47, 49. Ср. т [акже]. А. Боровой и Н. Отверженный. Миф о Бакунине. 1925 г., стр. 134–138.

вся его международная революционная деятельность, не знавшая черты оседлости.

Могущество современного государства не препятствовало Бакунину установить правильные перспективы на будущие судьбы его. Государство — исторически необходимо. Оно так же необходимо, как первобытная животность человека, его изначальная ограниченность, как долгие теологические блуждания людей. Но государство, порочное по существу, в самом себе автоматически несет и лечение против исторического зла. Государство обречено на гибель, оно должно исчезнуть, ибо самым существованием своим оно будит чувства протеста, воспитывает бунтарей, подготавливает революцию*.

Учение Бакунина о революции неразрывно связано с его учением о бунте.

Бунт не есть только конкретный исторический взрыв групповой или классовой воли против угнетения. Бунт в представлении Бакунина есть нечто онтологическое, основная стихия человеческой природы, вне существования которой невозможно образование и дальнейшее бытие «человека». Бунт — первичный инстинкт, оторвавший человека от животности, определивший его особое бытие, строящий его культуру**.

Однако наличности этого могучего первоначального инстинкта — недостаточно для осуществления революции. Для этого мало нищеты с призраком голодной смерти, мало страстного чувства отчаяния. Мало, наконец, желания революции, воли революции.

«Революции не импровизируются». «Революции не детская игра». Необходимо еще цельное, осознанное до конца антагонистическое чувство, способное поднять не отдельные раздраженные группы, но широкие народные массы. Необходимо классовое самосознание, т. е. понимание непримиримости интересов данного класса интересам всех других классов, понимание, вырастающее из повседневного классового опыта.

«Необходим еще *общенародный идеал*, вырабатывающийся всегда исторически из глубины народного инстинкта... нужно общее представление *о своем праве* и глубокая страстная, можно сказать, религиозная *вера в это право*. *Когда такой идеал и такая вера в народе встречаются вместе с нищетой, доводящею его до отчаяния, тогда Социальная Революция неотвратима, близка и никакая сила не может ей воспрепятствовать*»***.

* См. II. 270; III. 192.

** См. II. 111, 147.

*** См. I. 94–95; IV. 21, 177. Курсив везде мой. — А. В.

Наконец, антагонистическое чувство, выросшее до силы убеждения в «своем праве», толкающее массы к революции, естественно предполагает необходимость организации интересов или организации класса.

Существует своего рода традиционное убеждение, что анархическое учение вообще и учение Бакунина в частности не уделяют или уделяют слишком мало места вопросам организации.

Эта точка зрения представляется по меньшей мере странной в отношении к Бакунину, хотя бы уже благодаря выдающейся его роли в I Интернационале и Альянсе.

Но помимо общих соображений, в сочинениях Бакунина имеется немало мест, где принципиальное значение «организации» получило специальное и всестороннее освещение.

<...>

В статье «Организация Интернационала», отвечая на вопрос, что именно мешает угнетенным массам свалить ненавистный им буржуазный порядок, он отвечает: отсутствие организации и науки. Как современное государство для осуществления своих агрессивных и оборонительных задач организует военную и бюрократическую силу, так пролетариат должен создать для борьбы с эксплуатирующей буржуазией международную организацию без различия профессий и национальностей. Такова именно задача пропагандируемого Бакуниным «Международного Товарищества Рабочих». Совершенно очевидно, что не только международная организация пролетариата, но и местные формы объединения не придумываются теоретиками и филантропами. Они прежде всего — плод определенного экономического развития; они — результат самостоятельного пролетарского опыта; они требуют оформленного классового самосознания. Международная организация предполагает: 1) наличность национальных союзов, т. е. подготовленного пролетарского авангарда, 2) инициативу отдельных лиц, преданных пролетарскому делу*.

Чрезвычайно важно отметить, что везде, где Бакунин говорит о социальной революции, пролетарском деле, пролетарской организации, он всегда имеет в виду — не только индустриальный пролетариат, но и революционные слои крестьянства.

С пророческой, несокрушимой силой он говорит о необходимости теснейшей «смычки» рабочих и крестьян для социальной революции. Он отдает себе отчет в реальных качествах современного ему кре-

* См. V. 30–35. Бакунин отдает должное в строительстве Интернационала Марксу, Энгельсу и Ф. Беккеру, невзирая на глубочайшие разногласия между ними и на то, что он считает, что уже в ближайшем будущем он будет вынужден «бороться против них».

стьянства — его темноте, мелкобуржуазных навыках, неорганизованности, способности служить реакции (главным образом, вследствие неправильной тактики по отношению к нему городского социализма), но он ценит его «глубоко социалистический инстинкт», его «первобытный естественный социализм», его неукротимый анархический темперамент, просыпающийся в важные исторические моменты. Более просвещенный рабочий класс должен взять на себя инициативу сближения — необходимого в интересах социальной революции. Он не должен навязывать силой крестьянству свой общественный идеал; революция не смеет быть деспотической и несправедливой. Пролетариат должен суметь пробудить в крестьянстве дремлющие в нем революционные силы, толкнуть его на самостоятельное разрушение отжившего общественного порядка. Только в союзе индустриального пролетариата с крестьянством социальная революция непобедима*.

<...>

Организация пролетарского Интернационала, преследующего задачи разрушения всякого господства, должна существенно отличаться от государственной организации. Последняя строится на принципе власти, первая — на принципе свободы. Интернационал есть естественная организация масс, организация по роду их занятий, по ремеслам. Такая организация, диктуемая непосредственной жизнью, не является чем-то внешним по отношению к рабочим, она не усваивает начальнического тона, действует на объединившиеся в ней массы не принуждением, но убеждением. Государство в лице его органов требует от масс пассивного повиновения, убивая их инициативу и их свободу. Рабочий Интернационал обращается прежде всего к инициативе и самодеятельности пролетариата. Интернационал — орган пролетарского возмущения. Расширение его, углубление, вовлечение в него широких масс есть его основная задача. Государство немислимо вне определенных границ, Интернационал разрушает все границы. Государство организует жизнь сверху вниз, подчиняя ее единому централизованному плану. Интернационал строит снизу вверх, исходя из реального учета жизненных своеобразий**.

Позже, уже по исключении из Интернационала Юрской Федерации в 1873 г., в прощальном письме к швейцарским товарищам, Бакунин настойчиво указывает, что пролетариат особенное внимание должен направить сейчас не на идеи, которых за 9 лет в Интернационале было развито больше, чем «их требовалось бы для спасения мира, если бы

* См. IV. 169, 173, 174, 178–179, 185–187, 222–223.

** См. IV. 62–73, ср. V. 46–51: воспроизведение статьи «Организация Интернационала».

одни идеи могли его спасти», но на «организацию сил пролетариата», которая «должна быть делом самого пролетариата». «Бесконечно слабые, как отдельные лица, местности или страны», пролетарии «обретут во всемирном коллективе колоссальную непреодолимую силу».

Однако свободная организация не знаменует собой отказа от дисциплины. Последняя не может носить в Интернационале властнического, автоматического характера; она не знает иерархии и премий. Но исполнение распоряжений добровольно избранного для определенных целей и на определенные сроки начальника — старшего товарища — необходимо. Отсутствие добровольного подчинения парализует действие. Дисциплина в свободной организации есть добровольное согласование индивидуальных усилий, направленных к общей цели*

<...>

Лозунги Интернационала свидетельствуют, что экономическое освобождение есть основа всякого освобождения, что всякое учение, гласящее, что политическая свобода есть предварительное условие экономического освобождения, что политическая свобода может послужить рабочим орудием в последующем завоевании равенства или экономической справедливости, что борьба за политическое освобождение допускает временные компромиссы с буржуазным радикализмом, в целях реформирования государства, есть извращение принципов Интернационала, отказ от его тактики. Пролетарская тактика может быть только экономической борьбой, борьбой рабочих против хозяев, борьбой, всегда заостряющей революционное самосознание рабочих. Политическая революция есть неизбежное следствие экономического переворота; разрушение хозяйственных отношений есть одновременно крушение государства. Только так может быть истолкована теория и практика пролетарского Интернационала. Пытаться разделить эти революции, видеть в политической революции необходимую предпосылку экономической, значит, фактически тормозить освобождение трудящихся масс и закрепить позиции государства. Интернационал должен остаться чуждым всякой революции, которая с самого начала не заявит себя и не станет «социальной ликвидацией». Рабочая агитация всех стран должна носить характер исключительно экономического. Именно этот пункт разделяет «социалистов-коллективистов» — сторонников сильной власти, абсолютной инициативы государства, авторитета, и «коммунистов-федералистов», отрицающих власть и государство, передающих инициативу в руки самих трудовых масс и утверждаю-

* См. II. 24.

щих свою тактику на принципе свободы. Те и другие равно исходят из признания «науки», но первые насаждают знание путем декрета, идущего из центра, вторые — через добровольные группировки, соответственно насущным интересам и природным склонностям их. Первые верят во всеустрояющую силу вождей-учителей человечества, вторые — в непосредственное творчество самих масс. Первый блестящий опыт тактики «революционного социализма» (коммунистов-федералистов), в отличие от государственных «буржуазных» социалистов, дала Парижская Коммуна, поскольку она была смелым, ярко выраженным отрицанием государства*.

Новое свободное общество, встающее на развалинах государства, — общество федералистическое. Оно строится на началах полного самоопределения его членов — от коммун к провинциям, нациям, соединенным штатам Европы, наконец, грандиозному мировому союзу, охватывающему все человечество. Автономия любого члена федерации, независимо от его размеров и внешнего могущества, неограничена, поскольку в ней самой не заключено опасности для автономии и свободы другого члена. Источником правовых норм для федерации является общая воля автономных единиц. Связь отдельных ячеек не принудительна, она основана на свободном соглашении. Нет и не может быть вечных обязательств, но соглашение, принятое добровольно, обладает обязывающей силой.

Так построенная федерация — не кладбище, подобно государству, но реальный жизненный синтез, объединяющий все местные своеобразия, все частные права и интересы.

Этот комплекс идей в основных чертах лег позже в основу теоретических программ и тактики революционного синдикализма и анархо-синдикализма.

* * *

Классовый опыт, классовое самосознание, организация рабочего класса, смычка его с революционным крестьянством — были, однако, еще не всем для Бакунина в деле революции. Для торжества последней было необходимо еще то, что полнее всего характеризовало самого Бакунина — революционное вдохновение, неукротимая страсть к «разрушению».

«В революции, — писал Бакунин однажды, — $\frac{3}{4}$ фантазии и только $\frac{1}{4}$ действительности».

* См. III. 20–22; IV. 6, 12, 13, 16–22, 67, 73, 171, 251–252; V. 20, 24–25, 30–33, 43–44, 51. Об отношении Бакунина к социал-демократии и Эйзенхакской программе см. IV. 225–230, 236–237 и др.

В этих словах — ключ к его философии «разрушения». Чуждый механическому представлению о жизни, Бакунин не мог иметь механического представления о революции. Для него — профессионального «делателя» революции — революция тем не менее «не делалась», «не фабриковалась». Революция многообразный сложный поток явлений. Взаимодействие их рождает новые, неожиданные для первоначального учета, пучки сил. К революции неприменима монотония теорий. Революция — пир жизни, ликующее радостное творчество, «вздыхания» и «великолепия», образующие самую жизнь. Только в известной части революцию можно предвидеть, устанавливать, направлять. Прежде чем заложить и утвердить основы нового порядка, революция есть огромное, управляемое более инстинктом, чем разумом, брожение, хаос. И потому в начальной стадии движения разрушительные процессы естественно играют преобладающую роль.

«Народное восстание по природе своей — стихийное, хаотическое и беспощадное, предполагает всегда большую растрату и жертву собственности своей и чужой... Но не может быть революции без широкого и страстного разрушения, разрушения спасительного и плодотворного, потому что именно из него и только посредством него зарождаются и возникают новые миры»*.

<...>

Бакунин не боится ужасов гражданской борьбы — жертв людьми и имуществом, лавы, сжигающей с врагами и накопленные столетиями ценности. Общество, так спасающее себя, не погибнет. Изнутри его спасет инстинкт самосохранения, сила общественной инерции. Извне для него — опасности вообще нет, ибо исторический опыт показал, что никогда народы не представляют такой грозной внешней силы, как в моменты, когда они являют собой «взбаламученное море». Наоборот, они слабы именно тогда, когда связаны властным порядком**.

И когда Бакунин говорит о пропагандистах, посылаемых в французские деревни: «...Кто хочет пропагандировать революцию, должен сам быть действительно революционным. Чтобы поднять людей, нужно быть одержимым бесом...»*** — ни к кому слова эти не могли бы быть приложены с большей полнотой и с большим правом, чем к нему самому.

Из всех стихий, враждебных Бакунину, наиболее далекой ему и ненавистой была стихия оппортунизма. Искусство маневрирования

* См. I. 90.

** См. IV. 169, 181, 187–190.

*** См. II. 49.

было ему совершенно чуждо. Для него было немыслимым — в силу изменившихся условий, неблагоприятных конъюнктур — сойти с пути, признанного верным. Чем бы ни грозил намеченный путь — поражением, пленом, смертью, — отступление с него было невозможным. Бакунин был нравственным максималистом с головы до ног.

Там, где возникало революционное дело, он становился рядовым. Иерархических вопросов, по самым свойствам его мировоззрения, у него не возникало никогда*.

Серьезным же делом были для него — всякий бунт, всякое восстание, всякое движение против «власти», и в них он нес — требуя того же от других — весь присущий ему практический идеализм¹³. Здесь были его долг и его любовь.

Вера в свое призвание — истинный признак гения — проснулась в Бакунине рано и никогда не оставляла его.

Впервые патетическую формулировку она получила еще при вступлении его в кружок Станкевича: «...Рука божия, — писал он однажды, — начертала в моем сердце эти священные слова, которые обнимают все мое существование: он не будет жить для себя... Какова же главная идея жизни? Это — любовь к людям, к человечеству и стремление ко всему, к совершенствованию»**.

Строкам этим суждено было стать motto¹⁴ всей его жизни. В одном из последующих писем от 1841 г. он еще более пророчески подошел к теме своего жизненного призвания: «Жизнь есть блаженство, но не вялое, а такое, где буря играет и черные тучи нависают, чтобы сочетаться в высочайшей гармонии»***. Разве слова эти — не подлинное предварение могучего и страстного вопля буревестника, зазвеневшего в финале неровной, но вдохновенной «Реакции в Германии».

В «Исповеди», подытожившей стремления молодых лет, он написал замечательные слова: «Искать своего счастья в чужом счастье, своего собственного достоинства в достоинстве всех меня окружающих, быть свободным в свободе других — вот вся моя вера, стремление всей моей жизни».

Эти слова — самая точная программа всей дальнейшей его деятельности, самая полная и верная его характеристика.

* «Во всяком серьезном деле, — пишет один из ближайших соратников его, — Бакунин всегда шел в переднем ряду, да еще первым»... А. Росс. Бакунин и его вилла Бароната. «Голос Минувшего». 1914 г., стр. 207.

** Корнилов, I. 131, 608, II. 201–203.

*** Корнилов, II. 55–56.